

УДК 94(47+57) «1914/1918»

Э.В. Старостенко*аспирантка 1 года обучения,**ассистент каф. археологии и специальных исторических дисциплин
Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова***ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО В ГЕРМАНСКО-АВСТРИЙСКОМ ПЛЕНУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Статья посвящена исследованию положения и деятельности православного военного духовенства в германско-австрийском плену в годы Первой мировой войны. Анализируются данные о количестве пленных священников, условиях их содержания, богослужебной деятельности, помощи духовенству со стороны ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства и Святейшего Правительствующего Синода, участие в организации религиозных служб нижних чинов и офицеров, находящихся в лагерях для военнопленных. Рассматриваются меры, принимаемые для возвращения священнослужителей из плена.

Введение

История военного духовенства включает в себя широкий круг вопросов, одним из которых является пребывание священников в германско-австрийском плену в период Первой мировой войны. Данный вопрос, наравне с историей военного духовенства в целом, обстоятельно в историографии не разработан. Некоторое отражение он нашел в работах К.Г. Капкова [1], С.Л. Фирсова [2], в которых рассматривается история военного духовенства в Российской империи. Большое внимание исследуемой проблеме уделено в статьях А.А. Кострюкова [3–5]. В последние годы наблюдается рост интереса к данной теме, о чем свидетельствует появление работ, посвященных истории пленного военного духовенства в рассматриваемый период времени. Среди них следует назвать статьи С.Н. Емельянова, Д.А. Карпука, К.А. Пахалюка [6–8].

Целью данной статьи является анализ положения военного духовенства, находящегося в германско-австрийском плену, и его богослужебная деятельность в лагерях для пленных офицеров и нижних чинов.

Пребывание в германско-австрийском плену подданных Российской империи и их освобождение ставило перед военным командованием российской армии ряд проблем. С одной стороны, существовала необходимость организации возвращения российских пленных на родину, а с другой – возникала потребность в ограждении оставшихся в плену от политической пропаганды. Помимо прочего на протяжении Первой мировой войны среди нижних чинов и офицерского состава распространялись слухи о благах германско-австрийского плена, что подталкивало воинов сдаваться в руки врага. Важная роль в борьбе с подобными толками возлагалась на военных священников, которым предписывалось проводить разъяснительную работу среди солдат с целью предупреждения их сдачи в плен. В указе Святейшего Синода от 8 марта 1916 г. сообщалось о поступлении от военнопленных писем, в которых описывались хорошие условия жизни в плену, что расходилось с сообщениями, полученными из других источников. Признавая, что такая информация может подтолкнуть солдат сдаваться противнику, на военных священников возлагалась задача распространять среди своей паствы сведения о реальном положении дел, «чтобы они [духовенство] в своих проповедях и беседах ... объясняли о позоре плена и о долге каждого русского человека в настоящую тяжелую го-

Научный руководитель – Д.С. Лавринович, доктор исторических наук, доцент, первый проректор Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова

дину защищать свою Родину до последней капли крови, и рассказывали о тех исключительно тяжелых условиях, в каких находятся наши военнопленные в Германии и Австрии, вдали от Родины, среди чужого враждующего народа, изнуряемые непосильными работами и подвергаемые всякого рода унижениям и истязаниям от жестокого врага, не знающего пощады и милости» [9, с. 226].

Но порой священники сами оказывались в статусе военнопленных, хотя вопрос, следует ли считать военных священнослужителей именно военнопленными или же они должны быть включены в число пленных гражданских лиц, вызывал споры. В рапорте протоиерея Александра Субботина, служащего 29-го полевого подвижного госпиталя, на имя протопресвитера военного и морского духовенства от 15 ноября 1916 г. была принята попытка обосновать, что священник, будучи духовным лицом, не может приравниваться к военнопленному: «Духовенство, разделяющее со своими частями тяжелые условия плена, согласно общему положению о военнопленных, приравнивается к военным чинам со всеми ограничениями, какие применяются к невольным жертвам войны. Возникает вопрос, вправе ли Военное ведомство считать плененных священников военнопленными, а отсюда и применять к ним все те ограничения в содержании, какие по понятным соображениям применяются к военнопленным. Ответ должен быть только отрицательный. В самом деле, пастырь принципиально не может быть военнопленным уже по сану, задачам и характеру своей деятельности» [10, л. 74]. В качестве обоснования своих доводов автор обращается к Женевской конвенции: «если они попадут в руки неприятеля, то с ними не может быть поступлено, как с военными» [10, л. 74об.]. Считая свои доводы убедительными, протоиерей полагал, что если духовенство не причисляется к военнопленным, то тем самым разрешается вопрос о незаконности применения к духовенству ограничений в содержании и всех видах довольства [10, л. 75]. Анализ источников показал, что в документах военное духовенство преимущественно фигурировало как гражданские лица, попавшие в плен. Например, в указе Святейшего Синода от 11 марта 1916 г. сообщалось о ведущихся между воюющими сторонами переговорах о взаимном освобождении плененных гражданских лиц, к которым относились и священнослужители [11, л. 45].

Информация о священниках, оказавшихся в плену, публиковалась списками в официальной части журнала «Вестник военного и морского духовенства», где иногда указывалось их место пребывания и текущий статус (пометки «возвратился из плена», «переведен в»). Установление места нахождения пленного священнослужителя занимало некоторое время: например, в № 19 «Вестника военного и морского духовенства» за 1 октября 1914 г. был опубликован список выбывших священнослужителей, в котором среди без вести пропавших числился протоиерей Иоанн Федорович Лофицкий. Позже на имя протопресвитера военного и морского духовенства было получено письмо жены протоиерея о том, что ее муж находится в плену [12, л. 8]. Уже в январском номере Вестника военного и морского духовенства за 1915 г. в списки были внесены изменения, в соответствии с которыми протоиерей был определен как находящийся в плену в крепости Кюстрин, в Германии [13, с. 11].

О количестве священников, попавших в плен за время войны, встречаются противоречивые сведения. Так, в соответствии с шестью списками выбывших священников, опубликованными в «Вестнике военного и морского духовенства» с 1914 по конец 1916 г. число священников, о пленении которых было точно известно, составило 29 человек (без учета без вести пропавших). В Российском государственном историческом архиве встречаются 42 имени в списке от 2 марта 1916 г. [14, л. 44], в более поздних документах – 80 имен [15, л. 85]. В воспоминаниях протопресвитера Г. Шавельского сообщаются большие цифры: «Более ста военных священников попали в плен. Пленение священника свидетельствует, что он находился на своем посту, а не пробавлялся в ты-

лу, где не угрожает опасность» [16, с. 106]. Российский историк А.А. Кострюков указывает, что число военных священников в плену в годы Первой мировой войны составляло около 80 человек [3, с. 110]. В более поздней работе А.А. Кострюков пишет, что число священнослужителей, побывавших в германско-австрийском плену, составило 76 человек [4, с. 71].

Перед ведомством при протопресвитере военного и морского духовенства стояло несколько основных проблем, связанных как с военнопленными в целом, так и пленными священниками в частности. Среди них – необходимость освобождения священнослужителей. 11 марта 1916 г. был издан указ Святейшего Синода «По вопросу об освобождении из вражеского плена священно-церковнослужителей Русской Православной Церкви». В нем синодальному Обер-прокурору предписывалось связаться с министром иностранных дел, чтобы ускорить процесс освобождения православных священников: «Возбудить в установленном порядке настойчивое ходатайство об освобождении из плена православных духовных лиц, как тех, о коих происходила переписка с Министерством Иностранных дел, так и других, которые могут оказаться находящимися в плену, но об освобождении которых еще не было ходатайств» [11, л. 45]. Преосвященные епархий и протопресвитер военного и морского духовенства обязывались предоставить сведения о том, кто из состава вверенного им духовенства находится в плену, их местонахождение (если таковое известно), а также собрать данные о порядке выдачи причитающегося пленным священникам жалования.

Усилия для возвращения военного духовенства прилагались на протяжении всей войны. Так, священнослужители могли подлежать освобождению наравне с попавшим в плен медицинским персоналом. В письме на имя протопресвитера от исполняющего должность начальника Генерального штаба по эвакуационному отделу и по заведыванию военнопленными от 7 января 1917 г. сообщалось о запланированном на ближайшее время обмене с Германией взятым в плен медицинским персоналом. В связи с этим Министерство иностранных дел предложило включить в число подлежащих освобождению лиц и всех находящихся в плену священников. При этом оговаривалось, что, вероятнее всего, освободить всех священнослужителей не удастся, а потому протопресвитера просили уведомить, освобождение каких священнослужителей было бы особенно желательным. Министерством прилагался именной список 25 священнослужителей, о преклонном возрасте или болезненном состоянии которых имелись данные, а протопресвитера просили составить свой список, в котором бы имена священнослужителей шли в порядке желательности их освобождения [17, л. 101–101об.].

Данные списков выбывших священников свидетельствуют о том, что иногда возвращение священников из плена было довольно быстрым. Например, находящиеся в плену, в соответствии со списком от 1 ноября 1914 г., священники Стефан Онуфриевич Кучинский и Феодор Феодорович Петропавловский были объявлены возвратившимися из плена в свои части уже в № 1 «Вестника военного и морского духовенства» от 1 января 1915 г. [18, с. 729; 13, с. 11]. Однако порой пребывание священников в германско-австрийском плену растягивалось на длительное время.

В тех лагерях, где среди пленных находились военные священники, германско-австрийское руководство могло позволить им отправлять религиозные службы и даже проводить с паствой беседы. Осуществление религиозной деятельности определялось отношением к данному вопросу лагерного начальства, а также тем, кто содержался в лагере. В письмах священника Антония Жуковича подробно описана его деятельность в различных лагерях. Его воспоминания позволяют сделать выводы о том, что отношение руководства к деятельности пленных православных священников отличалось в лагерях для нижних чинов и лагерях для офицеров.

В лагерях для нижних чинов священник столкнулся с большими проблемами по организации своей деятельности. В лагере для нижних чинов в Стендале, куда он был переведен в ноябре 1914 г., руководство долгое время не разрешало ему совершать богослужения, и лишь после настойчивых требований священник смог добиться разрешения к рождественским праздникам 1914 г. На богослужение его всегда сопровождали конвоир и официальный переводчик, было запрещено молиться за императора и великого князя Николая Николаевича, вступать в разговоры с нижними чинами, вести какие-либо беседы, кроме богослужебных. Несмотря на то, что священник получил разрешение на религиозную деятельность, руководство лагеря всячески чинило препятствия: «определенного места для совершения служб не было отведено и каждый раз совершалось таковое то в той, то в другой компании по указанию дежурного немецкого фельдфебеля. Часто бывали такие случаи, что богомольцев преждевременно уводили до окончания богослужения за ничтожными надобностями, как, например, на переключку и т.п., или же не отпускали певчих на богослужение; назначали, например, богослужение в той команде, которая в этот день наряжалась на лагерные и кухонные работы; из других же команд в таких случаях никоим образом не позволяли чинам приходить на богослужение, хотя бы даже они были совершенно свободны. Бывали и такие случаи, что наружные часовые лагеря не давали мне и конвоиру пропуска в лагерь, выдерживали меня у лагеря по несколько часов, и я ни с чем возвращался в свое помещение – в городские казармы» [19, с. 483]. К самому Жуковичу также демонстрировалось неуважительное отношение: «Немцы ... являлись из любопытства на наше богослужение в шапках и с сигарами в зубах и на мои протесты не обращали никакого внимания, а, напротив, мстили мне за это и подвергали всевозможным насмешкам и унижениям; так, например, заставляли стоять пред немецким офицером на дворе без шляпы, идти с нижними чинами в ногу и т.п.» [19, с. 483].

В офицерских лагерях ситуация обстояла несколько иначе. Здесь предоставлялось больше свободы, в частности, при совершении общей молитвы. В офицерском лагере в Гейдельберге богослужение совершалось в одной из казарменных комнат, где также отправляли службы французские аббаты и английские пасторы. Переводчик на богослужении не присутствовал, и священник мог беспрепятственно совершать молитвословия за императора и великого князя Николая Николаевича. По случаю взятия российскими войсками Эрзерума даже было позволено отслужить благодарственный молебен с провозглашением многолетия армии и российского императора и вечной памяти павшим героям.

Но в том же Гейдельберге помимо офицерского лагеря находились две рабочие команды из нижних чинов, по 100 человек в каждой, религиозное обслуживание которых было ограничено: «чтобы совершить в этих командах богослужение и дать возможность чинам их выполнить долг исповеди и св. причастия, потребовалось много хлопот пред комендантом: мне только один раз разрешили совершить там богослужение в одно воскресенье и то с предупреждением долго не затягивать богослужения, чтобы не отвлекать нижних чинов от работ, которые на них возлагаются во все дни, не исключая воскресных и праздничных» [19, с. 485].

Случалось и так, что русские священники не допускались к службе среди военнопленных, которых германское и австрийское командование пыталось привлечь на свою сторону. В качестве примера Жукович приводит лагерь для уроженцев Украины: «Немцы усиленно ведут политическую пропаганду. Здесь они устроили стильные православные церкви с колокольнями и колоколами, солдат на работы не назначают, но туда наших священников не посылают, так как не находят таковых для своих преступных целей, а содержат там духовенство из галичан или буковинцев, которые и обслуживают их по коварным замыслам» [19, с. 486].

Серьезной проблемой для священнослужителей в плену стало отсутствие принадлежностей для служб. Данный вопрос решался или с помощью ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства, или же самими военнопленными. Так, определением Святейшего Синода от 13–20 января 1916 г. была учреждена комиссия по удовлетворению религиозно-нравственных нужд русских военнопленных. На нее возлагались задачи командировать в Германию и Австрию священников, для пастырского попечения о военнопленных, а также обеспечить пленное духовенство принадлежностями, необходимыми для совершения богослужений. Своей первостепенной целью Комиссия ставила снабжение лагерей для военнопленных всем необходимым для отправления церковных служб: «Первая и самая важная духовная нужда у пленных – это иметь отраду среди тоски и лишений плена в родном. Богослужения, молиться за церковными службами родными привычными молитвами и участвовать – кто может – в этих службах чтением и пением» [20, с. 262].

Часто военнопленные сами прилагали усилия для того, чтобы снабдить священников всем необходимым. В своих воспоминаниях о лагере в Стендале священник Жукович писал: «Наши нижние чины, с разрешения коменданта, устроили на свой счет соответствующий богослужебный столик, подсвечник; я же, вместе с находившимся в этом лагере нашим врачом Петропавловским, приобрели на свой счет недостающие сосуды и священническое облачение, всего стоимостью 200 марок, так что, к всеобщей нашей радости, в рождественские праздники 1915 года была уже совершена полностью Божественная Литургия, чего все пленные так пламенно желали и в чем я, как священнослужитель, нашел душевное успокоение» [19, с. 484]. Этот же священник сообщал, что во время его пребывания в офицерском лагере в Гейдельберге, офицеры прибрали все необходимые богослужебные принадлежности, сами устроили резной работы престол, жертвенник, аналои, семисвечник, подсвечники, а часть богослужебных сосудов и облачение были присланы из германского военного министерства.

Иногда священникам удавалось сохранить часть необходимого для службы. В сообщении одного из военнопленных, опубликованном в «Вестнике военного и морского духовенства», сообщалось о визите П.А. Казем-Бек, уполномоченной Красного Креста, в лагерь для военнопленных на о. Денгольм. В этом лагере находилось несколько военных священников, во главе которых стоял протоиерей Морозов, настоятель собора Новогеоргиевской крепости. Почти все священники, взятые в плен, не успели захватить с собой ничего из церковных принадлежностей. Однако, благодаря деятельности священника Медведева, которому удалось вывести из крепости походную церковь и другие церковные принадлежности, пленное духовенство было снабжено иконами и всем необходимым для богослужения и могло совершать литургию в праздничные дни [21, с. 728]. В сообщении рекомендовалось организовать отправку церковных облачений, богослужебных книг и икон для удовлетворения нужд военнопленных. К тексту имела сноска, в которой редакция журнала сообщала, что поступающие просьбы всегда удовлетворяются протопресвитером.

Действительно, ведомство при протопресвитере военного и морского духовенства старалось быстро реагировать на письма из плена, и в короткие сроки выполнять поступающие просьбы. Например, в письме Эмпаминонда Хрисолора, пленного священника из лагеря в Галли, от 2 октября 1915 г., сообщалось о положении дел в лагере пленных офицеров: «Более года весьма ревностно удовлетворяет религиозные потребности пленных иеромонах Корнилий. С 1 октября будет отправляться и литургия, которая, за отсутствием св. Антиминса, не совершалась доселе. Сегодня освящаем икону Богоматери, прекрасно написанную художником-полковником Поповым, весьма ревностно несущим обязанности старосты нашей церкви. Богослужение совершается ежедневно» [22, с. 724–725]. Хрисолор просил протопресвитера обеспечить церковными

нотами и иерейским молитвословом хор, созданный в лагере из числа офицеров. В «Вестнике военного и морского духовенства» сообщалось, что данная просьба была щедро удовлетворена протопресвитером. В частности, в центральное справочное бюро о военнопленных была направлена просьба об отправке на имя священника Хрисолора необходимых принадлежностей, приобретенных на средства управления протопресвитера: «2 иерейских молитвослова, обиход нотного церковного пения Н. Бахметева (8 книг), сборник Духовно-музыкальных песнопений Е. Азеева (10 книг), собрание дух. муз. сочинений прот. Турчанинова (4 книги) и песнопения всенощных бдений (3 книги)» [23, л. 13–13об.]. Такая помощь оказывалась неоднократно.

Заключение

В годы Первой мировой войны в германско-австрийском плену могли оказаться не только нижние чины и офицеры, а также гражданские лица, в том числе и военные священники. Среди военнопленных в местах их пребывания активно проводилась антироссийская и антиправославная пропаганда, для борьбы с которой предполагалось опереться на военное духовенство, имеющее в ряде случаев влияние на солдат и офицеров. В виду этого вопрос о духовенстве в плену стал одним из важнейших для военного командования и ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства. Так как попытки направить священников для отправления служб не увенчались успехом, то эти задачи возлагались на священников, попавших в плен. Однако даже в случае получения разрешения со стороны руководства лагеря, пленное духовенство нередко сталкивалось с рядом проблем: отсутствие необходимых для богослужебных действий принадлежностей, неуважительное отношение со стороны руководства лагерей, запреты на беседы с нижними чинами и офицерами и прочее. Помощь в обеспечении священников необходимым для богослужебной деятельности в плену оказывало ведомство при протопресвитере военного и морского духовенства, часто необходимое для работы приобретали сами священники и военнопленные.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капков, К. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: Итоги к 1917 г. / К. Г. Капков. – М. : Летопись, 2009. – 256 с.
2. Фирсов, С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С. Л. Фирсов. – М. : Духовная библиотека, 2002. – 624 с.
3. Кострюков, А. А. Русские военные священники в немецко-австрийском плену в годы Первой мировой войны / А. А. Кострюков // Церковь и время. – 2006. – № 2. – С. 109–118.
4. Кострюков, А. Подвиг русского военного духовенства в годы Первой мировой войны / А. Кострюков // Журнал Московской Патриархии. – 2014. – № 7. – С. 66–71.
5. Кострюков, А. Русское военное духовенство в 1917 г. (комментарий в свете веры) [Электронный ресурс] / А. Кострюков // Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/406287.html>. – Дата доступа: 15.01.2016.
6. Емельянов, С. Н. Новые вызовы и задачи: военное духовенство в годы Первой мировой и Гражданской войн / С. Н. Емельянов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та имени А. С. Пушкина. Т. 4. История. – 2015. – № 2. – С. 51–60.
7. Карпук, Д. А. К вопросу о пастырском служении православных священнослужителей в годы Первой мировой войны среди русских военнопленных на территории Германии и Австро-Венгрии [Электронный ресурс] / Д. А. Карпук // Санкт-Петербург-

ская духовная академия. – Режим доступа: <http://spbda.ru/tags/svyaschenniki-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/>. – Дата доступа: 15.01.2016.

8. Пахалюк, К. А. Православное духовенство на защите империи [Электронный ресурс] / К. А. Пахалюк // История. РФ федеральный портал. – Режим доступа: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/pravoslavnoie-dukhovienstvo-na-zashchitie-impierii>. – Дата доступа: 15.01.2016.

9. Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 8. – С. 226.

10. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 74–75об.

11. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 45.

12. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9219. Л. 8.

13. Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 1. – С. 10–11.

14. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 44.

15. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 85.

16. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота : в 2 т. / Г. Шавельский. – Нью-Йорк, 1954. – Т. 2. – 412 с.

17. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 101–101об.

18. Вестник военного и морского духовенства. – 1914. – № 21. – С. 729.

19. Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 15–16. – С. 482–486.

20. Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 9. – С. 262–264.

21. Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 23. – С. 728.

22. Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 23. – С. 724–725.

23. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9606. Л. 13–13об.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.02.2016

Starostenko E.V. Orthodox Military Clergy in the German-Austrian Captivity during the First World War

The article investigates the situation and the activities of the Orthodox priests in the German-Austrian captivity during the First World War. The data about the number of prisoner priests and their conditions of detention in captivity, liturgical activity, help the clergy from departments under protopresbyter of Military and Naval clergy and the Holy Synod, participation in the organization of the religious life of the lower ranks and officers in the camps for war prisoners are analyzed in this work. The measures which are for the return of the clergy, who were captured are investigated in the article.